

АРТЕФАКТ

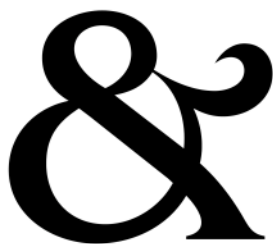

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Екатерины ЛЕСИНОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Маска короля
Рубиновое сердце богини
Кольцо князя-оборотня
Проклятие двух Мадонн
Крест мертвых богов
Готический ангел
Медальон льва и солнца
Улыбка золотого бога
Хризантема императрицы
Черная книга русалки
Плеть темной богини
Неизвестная сказка Андерсена
Ошейник Жеводанского зверя
Слезы Магдалины
Счастливый доллар
Вечная молодость графини
Браслет из города ацтеков
Фотограф смерти
Райские птицы из прошлого века
Алмазы Джека Потрошителя
Серп языческой богини
Дельфийский оракул
Бабочка маркизы Помпадур
Кольцо златовласой ведьмы

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Екатерина ЛЕСИНА

**Кольцо
златовласой
ведьмы**

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Л 50

Оформление серии *С. Курбатова*

Л 50 Лесина Е. Кольцо златовласой ведьмы : роман / Екатерина Лесина. — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-65523-6

Кольцо с розовым камнем несет в себе проклятие ламии — страшного демона в женском облике... Согласно легенде, потомки графа Арриго не могут жениться ни на ком, кроме потомков ведьмы Туфании, отравившей более шестисот человек ядом с нежным именем «аква Тoffана»... Вика Задеригуба не верила в глупые легенды о мифических ламиях и коварных отравительницах. Но когда от таинственного яда начинают один за другим умирать члены семьи Антона Фирманова, непонятно почему пожелавшего увидеть Вика в роли супруги одного из сыновей, а потом погибает мать Вики и ее отчим, — девушка понимает, что легенда имеет под собой вполне реальную почву. Все следы ведут к необычному кольцу, его подарила в Риме Вике полубезумная старуха... Украшение уникально: с розовым камнем, с узором в виде виноградной лозы, в которой прячется... змея! А между тем люди вокруг Вики продолжают умирать...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-65523-6

© Лесина Е., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

уфания, дочь Джулии, появилась на свет ведьминой ночью. Все знали про это. И к шепотку, что Джулия дочь нагуляла — это не диво, известно же, что где баба, там и грех, — добавился другой. Слушок о том, как жалобно кричали овцы, а одна окотилась до срока и ягнят принесла двоих сразу, черных, хоть сама была шерстью белая. И вовсе черных баранов в округе не водилось. А значит, ходил по пустошам Враг Человеческий, рыскал грешных душ, ну, и телом скотины не побрезговал.

А второй приметой был ветер. Поднялся он аккурат на новорожденную луну, и такой крепкий, что старые деревья гнулись, стонали, цепляясь корнями за скалы. Такой ветер только в ведьмином котле родится. И от него петухи яйца несут, из которых потом василиски вылупляются.

Такое яйцо старик Джеромо и вынес наутро людям показать. Старик яйцо о землю хряснул, а внутри не белок с желтком, как положено, но волосья золотые, тоненькие, будто солнца лучики. Аккурат такие, как у Джулии и ее дочери новорожденной.

Ведьма, ведьма на свет появилась!

Конечно, Джулия отрицает, что с нечистым знается, невинную из себя строит. Да только людям со стороны вернее видать! Шептались бабы, переглядывались. Давненько им рыбакова дочь костью поперек горла стояла. Все неясно было, откуда у нее этакая красота? Мать-то обыкновенная. И отец тоже: хромоногий, кривой, по-

порченный морем и жгучим ветром. Главное, что темные оба. А Джулия — светлая. Отцу-то не раз намекали, дескать, подгуляла его женушка, а он, вместо того чтобы поучить ее, как другие делают, лишь скалился да приговаривал: откуда бы золото ни прибыло, все мое.

Хотя, если хорошенько вспомнить, то и мать Джулии подозрительная из себя особа. А бабка и вовсе травницей числилась, ходила по селам, лечила людей, помогала женщинам от тяжести разрешиться. Или от ненужной избавиться, если, конечно, срок не вышел... а коль вышел, все помнили, что с бабкой договориться просто, и родится ненужный младенчик мертвым. Или проживет какой-то срок, но — недолго.

А внучке помогать старуха отказалась наотрез. Грех это. Как будто ведьму рожать — не грешно?

Нет, конечно, слухи слухами, но священнику доложили так, как оно было, — правду чистую. Да только что со старика взять? Полуслепой, глуховатый, он только и говорил, что о смирении и любви к ближнему, дескать, дьявол тем и силен, что на души христианские, смиренные, гнев насылает. Не в ребенке зло, а в той вражде, которая между людьми приключается.

Верно, люди бы и послушали его, да только с той ночи начало недоброе приключаться. Взял да пересох колодец старика Куджо, который две сотни лет семью поил. А среди овец и вовсе мор приключился. Вороны на околицу прилетать стали. Сядут и глядят, не каркают — значит, не птицы, ведьмы, как они есть. Когда же Тесма дите скинула — конечно, она и прежних-то доносить не могла, сколько ни пыталась, — поняли люди, что дальше терпеть некуда. Собрались и пошли к дому рыбака требовать дочь его златовласую и выродка ейного.

Но оказалось, что опустел дом.

Сбежали ведьмы. И разве этот побег не был лучшим признанием вины? Дом люди подожгли, вычищая его огнем, жалея о том, что огонь этот пустобрюхим остался. Молвились на пепелище долго, милость у небес выпрашивая.

И небеса откликнулись, раскрылись холодным дождем, который вычистил грязь, и хворь, и все дурное...

Года не прошло, как забыли люди про златовласую Джулию.

— Вика, не сутулься. И перестань хмуриться...

— Да, мама.

— ...иначе ты никогда не выйдешь замуж! — завершив разговор фразой, которой оканчивались все их беседы, вне зависимости от исходной тематики, маменька потрясла бутылочку, выбивая из нее остатки крема для загара.

Маменька определенно знала, о чем говорила. Сама она побывала замужем четыре раза, умудряясь и после развода сохранять с бывшими мужьями самые теплые отношения. Четвертый ее супруг, которого Вике, к счастью, не требовалось именовать «папой», дремал на соседнем шезлонге.

Он был тихим человеком неопределенной профессии — мама утверждала, что Гаричек финансист, — и немалого состояния. К прочим его достоинствам следовало отнести крепкую нервную систему и отсутствие интереса к Викиным делам. В отличие от предыдущего «папочки», в целом весьма милого, искреннего человека, но пребывавшего в уверенности, что Викино воспитание — его первейшая задача, Гарик ограничил свое участие в Викиной жизни фразой:

— Будут проблемы — обращайся.

И карточку вручил. Кредитную. Честно говоря, Вика воспользовалась ей лишь дважды и оба раза долго терзалась раздумьями, чем она теперь обязана Гарику и попробует ли он воспользоваться финансовым рычагом давления на нее?

Гарик не пробовал.

Он и маменьку увез в кругосветное путешествие, за что Вика преисполнилась к нему искренней благодарностью, которая многократно усилилась, когда стало

известно, что жить маменька отныне будет в Гариковом особняке. Маменька пыталась перевезти туда и Вику: во-первых, чтобы девочка была под присмотром, во-вторых, среди новых соседей имелось множество подходящих на роль супруга кандидатур. Но Гарик сказал:

— Ленка, отстань. Пусть сама поживет. Хватит с ней нянчиться.

В общем, из всех четырех супругов, включая собственного Викиного отца, о котором у нее сохранились весьма смутные воспоминания, Гарик ей нравился больше других. Вика даже с сожалением думала о том времени, когда маменька решит, что супружеская жизнь с ним утратила вкус, и подаст на развод. Впрочем, до этого оставалось года три... или четыре, если уж совсем повезет.

Закончив втирать крем в плечи, маменька вновь обратила неодобрительный взор на Вику.

Вот и зачем она согласилась на эту поездку?

Ну да... она никогда прежде не бывала в Италии. Но она же рассчитывала на другую Италию! Ту, которая за пределами закрытого пляжа! А маменьке музеи не интересны. И Рим тоже. И Ватикан, если, конечно, папу не покажут, на папу римского маменька бы поглядела... а Вике одной по незнакомой стране путешествовать никак невозможно!

Она потеряется! Заблудится! Попадет в неприятности! И вообще, маменька волнуется, а Вике следует беречь маменькины нервы. Да и чем на пляже плохо? Достойное место с достойным контингентом. Лежи, загорай, присматривайся к тому, что вокруг творится. Вот например, к тому пареньку светлокожему... ну и что, что он с девушкой приехал? Вика лучше, она просто себе цену не знает. Ладно, тогда его товарищ. Он без девушки. И на Вику дважды посмотрел. А один раз подмигнул ей. Нет, это не соринка. Маменьке лучше знать, когда у постороннего мужчины соринка в глазу, а когда он ее дочери подмигивает с явным намерением продолжить приятное знакомство. И не будь Вика упряма, как осли-

ца, давно бы уже обзавелась кольцом на пальце... и, возможно, не одним.

Маменька, будучи в Викином возрасте, уже о второй свадьбе задумывалась.

— Гарик, скажи ей, что девушке в ее возрасте быть без мужа неприлично!

— Угу.

— И что ее поведение меня позорит! Спину мне натри.

Гарик подчинился. Крем он втирал сосредоточенно, с полным осознанием ответственности сего действия. А Вика думала лишь о том, что скоро вернется домой.

Завтра на самолет. А там — до свидания, дорогая и любимая, особенно на расстоянии, мама. И здравствуй, квартира! Да, маленькая, в две комнаты, но сейчас это две Викины комнаты! Там никто не отслеживает, что Вика ест и как одевается — женщина даже дома должна следить за собой; не требует от нее зарегистрироваться на сайте знакомств. Не мешает слепнуть над книгами. Не выискивает предлоги, чтобы вытолкнуть ее из квартиры. И вообще, там тихо и спокойно.

— ...поэтому ты пока поживешь с нами.

— Что?! — хрустальная мечта разлетелась на осколки.

— Вика, ты меня не слушаешь!

Конечно. Умение пропускать маменькины нотации мимо ушей выработалось давно и тренировалось годами.

— Я не буду жить с вами!

Ссора на пляже... что может быть отвратительнее?

Вика ненавидела ссоры в любом их проявлении, особенно — с маменькой. Сейчас та станет упрекать Вику в черствости, потом расплачется, потом потребует врача, который обнаружит, что маменькино давление повышено. И маменька сляжет в постель, а Вика будет чувствовать себя виноватой. Она всегда чувствует себя виноватой после ссоры, хотя знает совершенно точно, что с сердцем у маменьки — полный порядок. И нервы у нее крепче Викиных.

— Вика. — Маменька вытянулась на лежаке, устремив задумчивый взор на море. — Повторяю, тебе придется пожить с нами. Месяц или два... пока в твоей квартире делают ремонт.

— Какой ремонт?!

— Обыкновенный.

— Мама!

Не следовало ей повышать голос. Парни, те самые, знакомства с которыми Вика так счастливо избежала, обернулись.

— Ты... ты затеяла ремонт в моей квартире?

— Вообще-то, квартира моя.

Это было правдой.

— И ремонт там следовало сделать давно. Увидишь, тебе понравится.

Вряд ли... Вика хорошо успела изучить маменькины вкусы. И что ее ждет по возвращении? Ярко-красные стены и синий потолок с люстрой-кубом? Наливной пол с рисунком? Невообразимая, неудобная, но модная мебель? Хром, стекло и пластик?

Лучше не думать об этом.

А с Викиными вещами что стало? Ее книги. И журналы. Кресло-мешок. Кошка, раскрашенная вручную. Чашка из синего стекла с белыми незабудками. Одежда, в конце концов...

— Если бы... — Вика старалась говорить спокойно, но не могла отделаться от ощущения, что все вокруг на нее смотрят. — Если бы ты предупредила, что хочешь ремонт сделать, я бы нашла другую квартиру.

Поэтому маменька и не предупредила ее. Но, напротив, предложила дочери поездку. Италия. Отдых. Вика ведь так давно не брала отпуск. И неужели хотя бы раз не пойдет она навстречу родительнице?

— Перестань капризничать, — ответила маменька, не повернув головы. — Ты сама поймешь, что так будет лучше.

Маменька не желает понимать, что Вике уже двадцать пять лет. У нее работа и собственная, устоявшаяся жизнь, пусть и отличная от той, которая устроила бы маменьку. Пожалуй, в этом вся и проблема: слишком уж они разные. Как так получилось?

Маменька — яркая. Сильная. С характером. И вообще, она всегда в центре внимания, а если не в центре, то расстраивается и чахнет. Вика же, напротив, тиха и необщительна. Ее раздражают люди с их непонятым стремлением Вику потрогать. Где у девочки носик? Где у девочки ушки? А почему девочка такая хмурая? Вика-бука. Не желает радовать маменьку, отказывается стишки читать. И песенки тоже не поет. И вообще, при каждом удобном случае сбегает от дорогих гостей. Может, девочка больна? Маменька чувствует, что больна. Это же ненормально, когда ребенок сам с собой играет! А врач говорит про темперамент. Что его темперамент против маменькиной уверенности? Вику надо развить. Меньше. Заставлять. Ей же потом лучше будет...

...какая девочка откажется участвовать в конкурсе красоты?

...не мечтает выучиться на актрису?

...сидит за учебниками, хотя каждому ясно, что образование для девушки — не главное!

И вообще, Вике давно следует понять: мама знает лучше!

...куда ей поступать.

...какую профессию выбрать.

...и каких подруг.

...что носить, что есть и как себя вести.

А Вика, неблагодарное существо, до сих пор упрямится.

Так стоило ли заново пережевывать старые проблемы? И Вика встала, забрала книгу, полотенце и недопитый — очень полезный для кожи — вишневый сок.

— Я — в номер. Отдохну.

— Вот опять будешь дуться!

Нет. Скорее, думать. Если в квартире ремонт, то надо искать другую. Конечно, при нынешней своей зарплате Вика квартиру не потянет, но ведь можно комнату снять. Или в складчину это сделать, как Машка. Или приработок найти. Работают же люди на двух работах! И ничего, живы. Вика тоже сумеет...

В номере, к счастью, одноместном — Гарик, золотой человек, проигнорировал маменькины пожелания о совместном жилье — было тихо и стерильно. Окна выходили на пляж. И Вика поморщилась: вид этот — золотого песка, моря и деревьев, которые важно покачивались на несуществующем ветру, — изрядно действовал ей на нервы.

На часах — половина десятого. В одиннадцать маменька уберется с пляжа и пожелает довыяснить отношения. Спрятаться от нее в отеле, дорогом, но каком-то совсем уж крошечном, не выйдет.

Да и...

Надоело!

В двадцать пять лет пора делать то, что хочется, а не то, о чем родители говорят. И вообще, отель — это не тюрьма. Вика не собирается теряться. Или попадать в историю. Денег наличных у нее немного, но должно хватить на автобус. Что плохого в небольшой прогулке? Вдохновленная этой идеей, Вика быстро приняла душ, переделалась — из всех нарядов выбрала длинное мешковатое платье, которое маменьке категорически не нравилось, а Вике оно было симпатично — за легкость и удобство. Так, сумочка. Паспорт. Кошелек. Телефон. Маменьке Вика позвонит, но — позже.

Стук в дверь заставил ее замереть, и Вика мысленно рассмеялась: она ведет себя, как ребенок! Даже если это мама, которая вознамерится запретить ей прогулку, Вика все равно уйдет гулять.

Но за дверью стоял Гарик.

— Гулять? — спросил он.

— Гулять.

— На, — Гарик раскрыл кошелек и вытащил стопку купюр.

— У меня есть.

— Хорошо. Еще будут. Бери.

Вика терялась, когда с ней разговаривали в подобном стиле. Деньги она взяла, но твердо решила, что тратить их не станет.

— Купи себе что-нибудь.

— Мне ничего не надо.

— Ага, — Гарик задумчиво поскреб щетинистый подбородок. — Ты, это... если чем обидел, то извини.

Обидел? Чем и когда он мог Вику обидеть, если виделись они только на выходных и по праздникам? Ну, или вот сейчас.

— Ничем вы меня не обидели! Просто... мне неудобно брать у вас деньги. И вообще я сама привыкла. И жить я к вам не поеду. Разве что ненадолго, пока квартиру не найду.

Все говорили, что найти приличное съемное жилье за умеренную плату — это сверхзадача.

— Я Ленке говорил, чтоб она не лезла. Но она ж упертая... короче, ты недельку перекантуйся, чтоб она успокоилась, а там я тебе хатку найду. И выкать прекращай. Не чужие небось.

Местное солнце было агрессивным.

Обглодав добела дома и вылизав пропыленную дорогу, оно принялось за Вику. Маменька бы обрадовалась такому вниманию, она любила загорать, утверждая, что именно загар естественен для человека. Но Вика — не маменька. Ее кожа была бледной, прозрачной и сверхчувствительной.

На косметику она реагировала красными пятнами.

На морепродукты — сыпью.

На лучи солнца — сухостью и шелушением или же россыпью волдырей по плечам, которые долго лопались и облезали лохмотьями.

В общем, Вика уже начала жалеть, что покинула уютный заповедник отеля. Кружевной зонтик, подаренный мамой — раз уж Вика столь нежна, то пусть ходит с зонтиком, ко всему, это и загадочности ее образу придаст, — от солнца не защищал.

Кафе были закрыты.

И вообще, город, пользуясь полуденным часом, пребывал в полудремотном состоянии. Ни людей, ни животных... Вика гуляла уже второй час. Без цели, без плана, просто разглядывая такие забавные, словно игрушечные, домики, магазинчики с яркими витринами, вывески, случайных прохожих, дорогу... по дороге она и свернула в этот переулок. Здесь дома стояли тесно друг к другу, балкончики почти смыкались, образуя своего рода арки. На протянутых веревках сохло белье.

Сюда почти не проникало солнце, и Вика сложила зонт. Жарко.

И — странно. Куда это она забрела?

Вика остановилась и достала карту, понимая, что действие это лишено всяческого смысла: с картами у нее никогда отношения не складывались. Несколько минут она честно рассматривала переплетение линий, вчитываясь в названия улиц, поворачивая карту то одной стороной, то другой, но потом сдалась.

Надо найти кого-нибудь и спросить дорогу. Кого-нибудь, кто говорит по-английски. А лучше, если он согласится ее проводить, но... кого тут искать? Улица была пуста и безлюдна. Вика поправила шляпку и решительно двинулась вперед.

Ведь должен ей хоть кто-то попасться!

И вообще, паниковать рано. На крайний случай, она может позвонить маменьке. Та обрадуется, получив очередное подтверждение собственной правоты и Викиной жизненной беспомощности...

Старуха сидела на земле. Вика сперва приняла ее за груды мусора, но стоило ей приблизиться, и груды шелохнулась. Черные юбки, черная безразмерная кофта,

некогда расшитая бусинами и пайетками, но сохранившая лишь остатки былой роскоши. Бусы в несколько рядов и цепочка с массивным крестом. Еще одна — со связкой медальонов: круглых, квадратных, прямоугольных. С ликами святых и именами покровителей.

Старушечье лицо, красное, будто вылепленное из глины, было неподвижно. Крупный нос, черные, сросшиеся над переносицей брови, узкие губы и седые волосы, выбившиеся из-под косынки. Руки лежали на юбках и по сравнению с лицом были неестественно белы и лишены морщин. Словно эти гладкие ладони принадлежали вовсе не старухе.

— Извините, — сказала Вика. — Вы не подскажете, как выйти...

Замолчала, поняв, что говорит по-русски. Ее не поймут. Английский же, на котором Вика худо-бедно разговаривала, вдруг выветрился из ее головы.

— Прошу прощения, я... наверное, пойду... сорри.

Она сделала шаг назад, стремясь убраться в тень, подальше от острого старушечьего взгляда. В ее синих глазах было что-то, напугавшее Вику.

— Стой, — велела старуха.

Вика остановилась.

— Русская?

— Да.

— Здесь много русских. — Голос хриплый, надсаженный. — Раньше я одна была. Теперь вот много... зачем ты сюда пришла?

— Заблудилась, — признание это далось Вике легко. Все-таки старуха — не маменька, которая всенепременно запомнит, что в тот единственный раз, когда Вика открыто маменьку послушалась, случилось почти непоправимое: девочка заблудилась!

— От группы отстала? — Старуха говорила с легким акцентом, который бывает у людей, слишком долго проживших в другой стране.